

Глава 1. От Рюрика до Лихачева

Трудно найти черную кошку в темной комнате.
Особенно трудно, если ее там нет.

Конфуций

Профессор Соколов утверждает: «Длительность культурно-исторической эпохи совпадает с длительностью группового поколения интеллигенции, поскольку именно интеллектуальный слой, то есть образованная, творчески активная и этически определившаяся часть общества, создает, хранит и распространяет идейное содержание своей эпохи. Причем не массовое поколение детерминирует интеллектуально-этический потенциал интеллигенции, а наоборот, интеллигенция определяет нравственные нормы и интеллектуальный уровень современников, то есть духовность данной эпохи. Именно интеллигенция является исторически значимым субъектом. Отсюда следует, что периодизацию истории культуры нужно строить не по векам и десятилетиям, а по поколениям интеллигенции».

Здесь сразу бросается в глаза явное противоречие. С одной стороны, идейное содержание эпохи создает весь интеллектуальный слой, а с другой, интеллектуальный уровень и духовность эпохи определяет только интеллигенция. Но в таком случае вклад интеллектуалов в интеллектуальный уровень должен стремиться к нулю. Тогда все они, в строгом соответствии с логикой Соколова, должны быть дебилами или даунами.

Правда, в дальнейшем профессор уточняет, что при периодизации поколений «термин «интеллигенция» употребляется в социально - экономическом его значении ... под интеллигенцией понимается интеллектуальный слой данной культурно-исторической эпохи, объединяющий как подлинных интеллигентов, отвечающих формуле интеллигентности, так и интеллектуалов, соответствующих формуле интеллектуальности». Это уточнение спасает умственный уровень интеллектуалов, но окончательно выносит мозг читателю.

При анализе вышеприведенного текста возникает и еще одна проблема. Лихачев считал, что интеллигенция – это явление чисто русское, в то время как Бестужев-Лада утверждал, что «интеллигенция — это феномен не только русский, а общемировой, причем с древнейших времен и до наших дней».

Академик Лихачев – один из немногих канонизированных интеллигентов, получивших право «определять нравственные нормы и интеллектуальный уровень современников». «Нетленные же мощи» Бестужева-Лады пока не обретенны, и говорить о его интеллигентности в высшем, соколовском смысле мы с уверенностью не можем. Из этого следует очевидный вывод: в споре о национальности интеллигенции мы должны поверить именно Лихачеву. Тем более что с ним согласились многие другие авторитетные участники судьбоносного Конгресса. Но отсюда следует парадоксальный вывод – у других народов культура развиваться не может, ибо некому «создавать, хранить и распространять культурные смыслы», нет «исторически значимого субъекта».

Но такого, как вы понимаете, быть не может. Поэтому одно из двух: либо интеллигенция всемирна, либо она не исторически значимый субъект.

Данную коллизию Соколов разрешает, даруя интеллигенту право на ошибку. Тогда можно сказать, что академик Лихачев может быть неправ, и европейская, да и вся остальная мировая культура спасены!

Но разве может ошибаться «наместник Бога» и «исторически значимый субъект» или, если перевести на более понятный советскому поколению язык, «Ум, Честь и Совесть нашей эпохи»? Здесь чувствуется явное противоречие. Как мы поняли, только истинный интеллигент достигает высшей стадии духовного просветления, открывающего перед ним все «культурные смыслы». Поэтому, неся их в массы, он, в отличие от интеллектуала, не должен иметь права на ошибку, иначе что же останется от этих «смыслов». И чем тогда для народа он лучше сомнительного в духовном смысле интеллектуала?

Разве станет легче миллионам россиян, пережившим 90-е годы, если комиссия по канонизации когда-нибудь установит, что Егор Гайдар, с его

кондовым экономическим либерализмом, давно отвергнутым даже на Западе, по своим личностным качествам полностью соответствует светлому идеалу Интеллекта? И кому-нибудь станет теплее на душе от того, что он ошибался искренне?

А другие миллионы россиян, по которым прокатилось кровавое «Красное колесо»? Может ли служить для них утешением то, что среди многочисленных «Бердяев Булгаковичей», которые полвека пичкали их гуманизмом, нигилизмом, атеизмом, социализмом, марксизмом и прочим «измом», оказалось немало «истинных» Интеллектов?

И опять могут сказать: «Он ничего не смыслит в диалектике. Отдельные интеллекты могут ошибаться, а интеллигенция – никогда!»... Соглашайтесь! Но все же, каким образом виртуальная группа, не имеющая системных связей, может нивелировать заблуждения своих виртуальных членов?

Наконец, «вишенка на торте» цитируемого текста. Только интеллигенция является этически определившейся частью общества, так как этот признак является ее отличительной чертой. А весь остальной народ – это всего лишь объект. Он своего характера, нравов и обычаев не имеет. Все жизненно важные смыслы, ценности и добродетели, к достижению которых следует стремиться, те нормы и эталоны, которыми нужно руководствоваться, он получает от интеллигенции.

Отсюда следует, что интеллекты должны были существовать с древнейших времен, по крайней мере, с момента появления кроманьонцев. Те, по утверждениям археологов, «создали богатую и разнообразную культуру позднего палеолита». Ну, а кто именно принес им эту богатую и разнообразную культуру? Я думаю ответ очевиден! Можно даже предположить, что интеллекты, подобно древним украм, прибыли на Землю с одной из далеких планет, после чего у кроманьонцев и наступил расцвет культуры, объяснить который ученые раньше не могли.

Анализируемый текст представляет собой яркий пример антисистемного мышления, являющегося родовым признаком русской интеллигенции. Оно

базируется на представлении о том, что общество развивается не по объективным законам, а по воле некоей божественной субстанции, именуемой интеллигенцией. То есть постулат Соколова фактически подтверждает представление Бестужева-Лады об интеллигенте как воплощении Бога на земле.

Но Бог один раз дал людям Завет и при этом наделил их свободной волей и, соответственно, ответственностью за свои поступки. Интеллигент же, по Соколову, постоянно формирует для людей «нравственные нормы... и духовность каждой эпохи». И при этом, что особенно удивительно, наш Интеллигент всегда страшно недоволен уровнем нравственности и духовности своего народа, который он же ему, если верить Соколову, и обеспечивает.

Хочется воскликнуть: «Господи! ...То есть Интеллигент! Почему ты не просветил рабов твоих светом истинной духовности?! Чем же ты занимался столько веков, бездельник?!»

Возникает и другая коллизия. Только интеллигенция определяет духовность каждой эпохи. При этом выделить социальную группу «подлинных интеллигентов» из интеллектного слоя не представляется возможным. Как же тогда оделить истинные духовные ценности интеллигентов, от ложных – интеллектуалов?

Церковь, хотя и с большим трудом, но все же упорядочила это вопрос. Истиной признаются только тексты Священного писания и их толкования в произведениях Святых отцов, церковью же канонизированных. Все остальное – от Лукаваго!

Но как быть в нашем случае, как не поддаться искушению и не пойти по неверному пути? Как не прельститься ложными идеями этих оборотней-интеллектуалов и не погубить свою бессмертную душу? Нет ответа!

Для людей, обладающих системным мышлением, а таких, как это ни странно, большинство, совершенно очевидно, что все явления в природе и обществе развиваются по естественным законам и имеют начало и конец. Для людей верующих источником законов является бог. Атеисты же в большинстве своем об этом вообще не задумываются.

Поэтому для них феномен русской интеллигенции не является чем-то особенным и его генезис достаточно понятен. Она сформировалась в середине XIX века во вполне конкретных общественно-исторических условиях, предопределивших ее основные черты. Условия эти были уникальными (в чем состояла уникальность, мы рассмотрим в следующей главе), что объясняет уникальность самого феномена. Современники, обнаружив это явление, дали ему имя. Имя прижилось, так как в значительной степени отражало сущность возникшей общности, и интеллигенция, как новая социальная группа, встроившись в структуру российского общества, продолжила развиваться, расширяться и усложняться.

Но для истинного интеллигента такой утилитарный подход не приемлем. Его распирает чувство собственной значимости и незаменимости, поэтому он объявляет эту реальную социальную группу самозванкой, для которой священное имя Интеллигенция является псевдонимом. Истинная же интеллигенция объявляется виртуальной, а ее мифические представители наделяются идеальными чертами, соответствующими великой миссии, восходящей из глубины веков.

Поэтому Соколов отказывает большинству современников и ближайших предков в праве носить это гордое звание. Отказывает из-за им же установленной высокой этической планки. Он устремляет свой пристальный взгляд в эти самые глубины, пытаясь там разглядеть образы русских интеллигентов. Присваивая это почетное звание наиболее значимым и уважаемым фигурам древности, он тем самым поднимает значение интеллигенции до воистину вселенских высот.

Но, увы, можно до посинения вглядываться в глубину веков, пытаясь разглядеть в том или ином историческом персонаже черты интеллигентности, но занятие это изначально бесперспективное. Черты исторических персонажей всегда мифологизированы, и чем дальше мы уходим в глубь веков, тем глубже мифологизация. Даже образ основоположника русской интеллигенции – Тимофея Гра-

новского был мифологизирован. Причем миф этот начал формироваться еще при жизни его прототипа, отвечая запросу определенной части общества.

Несмотря на все эти трудности, Соколов продолжает всматриваться в глубины и обнаруживает двенадцать поколений русской интеллигенции (три палеокультурных и девять неокультурных), определивших для России двенадцать культурно-исторических эпох.

Первое, древнерусское поколение интеллигенции, по его мнению, определило культурно-историческую эпоху Древней Руси X – XIV веков. Начало эпохи определяется Крещением. Но и после этого «упрямый народ два столетия сохранял перуно-христианское двоеверие, был далек от какой-либо интеллигентности и, конечно, не мог служить основой для генезиса русской интеллигенции».

Но тогда откуда же она взялась? То, что интеллигенция к тому времени уже появилась, у Соколова сомнения нет, ибо «в противном случае ...не совершилась бы в варварской стране культурная революция, головокружительный скачок с уровня археокультурного язычества на уровень средневековой палеокультуры».

По его мнению, крещение Руси подготовили византийские миссионеры. А так как «культурно-революционный переворот означает коренное преобразование общественного сознания, управление которым — сущностная функция интеллигенции», то отсюда следует, что в составе византийских миссионеров должны были быть первые «апостолы интеллигентности на Русской земле».

Из вышеприведенного текста логически вытекает, что в варварской стране, какой была Русь до крещения, общественного сознания либо не было вообще, либо оно пребывало в полном хаосе, так как некому было им управлять. По видимому, это чувствовали и сами восточные славяне. Еще в IX веке они попытались пригласить интеллигентов из Скандинавии. Но с варяжской интеллигенцией у них вышла промашка великая. Наевшиеся мухоморов скандинавские берсерки¹ оказались мало пригодны к формированию «идейного содержания эпохи». И хотя государство с их помощью худо-бедно образовалось, но с «духовными смысла-

¹ Берсерки – одержимые бешенством в бою воины викингов, находившиеся под воздействием психотропных препаратов, получаемых из мухоморов.

ми» по-прежнему была беда. И только благодаря византийским миссионерам-интеллигентам древняя Русь совершила, наконец, «головокружительный скачок».

Правда, профессор милостиво позволяет и языческим варварам иметь некоторые примитивные духовные смыслы. По его мнению, этими смыслами управляли волхвы, «архаичный интеллектный слой... который можно было бы назвать архаичной протоинтеллигенцией». Этим допущением он спасает русскую интеллигенцию от необходимости забираться в дебри верхнего палеолита.

Итак, по Соколову, «семена интеллигентности были занесены интеллигентами византийского образца». И дело сразу пошло на лад. К византийским интеллигентам, посеявшим эти самые семена, профессор относит патриарха Константинопольского Фотия, равноапостольных братьев-просветителей Кирилла и Мефодия, императора Константина VII Багрянородного, основателя религиозно-философского учения исихазма Григория Паламу и ряд других, менее известных философов и богословов.

Желание искать в наиболее выдающихся деятелях древности черты интеллигентности вполне понятно и объяснимо. Приятно осознавать, что ты ведешь свою духовную родословную не от сиволапых разночинцев, а от патриархов и багрянородных императоров, даже если сам безбожник и либерал.

Соколов считает, что собственно древнерусское поколение интеллигентов зародилось не позже XI века в монастырях и среди книжников княжеских дворов. По его мнению, «символом древнерусской культурной революции являются фигуры православного интеллигента-книжника».

Первыми русскими интеллигентами он называет Киевского митрополита славянского происхождения Илариона, а также Великих князей Киевских: Владимира Святого, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха и Александра Невского.

В старомосковском поколении (XIV – начало XVII века), по мнению Соколова, «Святая Русь есть область бытия русской интеллигентности в палеокультурном ее обликии». Поэтому к интеллигентам он относит русских святых: Сергия Радонежского, Стефана Пермского, Кирилла Белозерского, Нила Сорского,

митрополита Макария, а также Андрея Рублева. Причем с мнением академика Лихачева, присвоившего звание первого интеллигента на Руси переводчику греческих священных книг Максиму Греку, профессор позволил себе не согласиться. Как говорится, Платон мне друг, но истина дороже!

А вот среди Московских Великих князей и царей он интеллигентов не обнаружил. Только Лжедмитрий I оказался почти интеллигентом, но в конце жизни все же подкачал.

Допетровский период, как считает Соколов, «небогат на великих интеллигентов». Из священнослужителей до уровня интеллигенции дотягивают только богослов, поэт и придворный астролог Симеон Полоцкий и его ученик, первый российский библиограф Сильвестр Медведев. Среди бояр – просветитель и меценат Федор Ртищев и дипломат Афанасий Ордын-Нащекин.

Профессор понимает, что определенные им качества современного интеллигента, такие как образованность, креативность и экологическая озабоченность, применительно к его палеокультурным поколениям интеллигентов будут выглядеть довольно смешно. Поэтому он предлагает «формулы, адресованные неокультурным интеллигентам и интеллектуалам, переосмыслить применительно к древнерусским реалиям». В результате переосмысления и появляются человеколюбивые и кроткие интеллигенты-священнослужители, а также толерантные и умеренно гордые интеллигенты-князья, а формула интеллигентности наполняется такими свойствами, как книжность, косность, смиренномудрие, долготерпение и воцерковленность.

Неокультурные поколения открываются петровской эпохой. В эту эпоху, как и во все последующие эпохи, униженная императором православная церковь, по мнению Соколова, никого достойного высокого звания интеллигента не дала. Среди сподвижников Петра интеллигентами оказались только первый российский историк Василий Татищев и основатель библиотечного дела Андрей Богданов. Самому же Петру профессор в интеллигентности, слава богу, отказал, несмотря на категоричное заявление Дмитрия Мережковского: «Я повторял и настаиваю: первый русский интеллигент – Петр!»

Справедливости ради нельзя не отметить, что он не поддавался искушению и не записал в интеллигенты такого всеми почитаемого русского ученого, как Михайло Ломоносов. Тот, согласно разработанной Соколовым классификации, оказался недостойным столь высокого звания.

В екатерининскую эпоху интеллигенты уже пошли косяком. Список открывала сама Екатерина. Среди наиболее значимых фигур к интеллигентам были отнесены: основатель Московского университета Иван Шувалов, историкограф Федор Миллер, основатель филологии Екатерина Дашкова, личный библиограф Екатерины и первый «библиотечный интеллигент» Василий Петров, Президент Академии художеств Алексей Мусин-Пушкин, крупнейший библиофил граф Дмитрий Бутурлин, общественный деятель Александр Радищев, поэт Гаврила Державин, историк Николай Карамзин и книгоиздатель и просветитель Николай Новиков.

Наконец, первая половина Пушкинско-Гоголевской эпохи дала целую плеяду «соколовских интеллигентов». Помимо собственно Пушкина и Гоголя, профессор относит к ним Жуковского, Лермонтова, хозяек литературных салонов — «символов интеллигентности», таких как Евдокия Голицына, и Зинаида Волконская. Даже в армии проницательный взор Соколова обнаружил «чуждый жестокой воинской корпорации дух интеллигентности», где «появились офицеры-гуманисты с альтруистическим чувством долга, совестью и толерантностью, благоговением перед наукой и культурой». Разглядел он интеллигентов и среди декабристов, отнеся к таковым учредителей литературного кружка «Зеленая лампа» и членов Союза благоденствия Якова Толстого, Федора Глинку и Сергея Трубецкого.

Вторую половину этой эпохи², во время которой, собственно, и начался процесс формирования реальной, а не выдуманной Соколовым русской интеллигенции, мы рассмотрим в следующей главе.

Поведем итог его поисков за период с IX по начало XIX века. Интеллигентов оказалось: Император — один; Великие князья — четыре; святые, в земле рус-

² Здесь, как и ранее, используется периодизация эпох по Соколову.

ской просиявшие, – шесть; а также десятки бояр, дворян, духовных лиц, основателей научных направлений, Академий, библиотечного дела, историков, историографов, писателей, поэтов и даже «офицеров-гуманистов». Воистину, нужно обладать богатой фантазией, чтобы объединить всех этих персонажей в единую, пусть и виртуальную социальную группу, да еще и объявить духовными родственниками современных интеллигентов.

Можно с уверенностью утверждать, что вынесенное в эпиграф изречение Конфуция очень точно отражает содержание научных поисков профессора Соколова. Конечно, понять его можно. Как истинный интеллигент, он стремится доказать значимость своей социальной группы для духовного развития русского общества. Чтобы придать ей вес, профессор выбирает наиболее известные и почитаемые в народе фигуры и причисляет их к лику Интеллигенции.

Его совершенно не смущает, что, по его же собственному утверждению, «палеокультурные поколения русской интеллигенции... никогда себя интеллигенцией не считали», да и, добавлю, слова то такого никогда не слыхивали. Для него «главная задача ... рассеять распространенное заблуждение, что русская интеллигенция появилась в середине XIX века, поскольку ранее слова «интеллигенция» не было в русском языке. Да, слова не было, но интеллигентные люди были!»

Логика железная! Чтобы ее развенчать, воспользуемся таким простым приемом, как аналогия. Например, сейчас существует достаточно многочисленная группа музыкантов, прошедших через ВИА «На-На», получившая в народе довольно устойчивое имя – нанайцы. Интересно, найдется ли ученый, который объявит, что нанайцы, проживающие на берегах Амура и его притоков, это вовсе не нанайцы, что это псевдоним, а истинных нанайцев будет искать среди древних гусяров и скоморохов, используя концепт нанайца как творческого человека, благоговеющего перед Музыкой и Бари Алибасовым? Вы скажете: «Что за бред?!» А палеокультурная интеллигенция чем-то лучше?

Конечно, если бы интеллигенция была бы сословием, то есть группой людей с одинаковыми правами и обязанностями, передающимися по наследству,

или классом, объединяющим людей по месту в системе общественного производства, то все было бы гораздо проще. Вряд ли кому-то пришло бы в голову объявить, что рабочий класс – это псевдоним, и начать искать настоящих рабочих в глубине веков по концепту необразованного и некреативного человека, благоговящего перед Киркой и Лопатой, с основной социальной функцией быть могильщиком буржуазии.

Дефиниция классов и сословий достаточно формализована, однозначна и не допускает различных толкований. В то время как другие социальные группы – материя достаточно тонка. А где тонко, там, как известно, и рвется!

У многих социальных групп границы достаточно размыты, признаки не всегда очевидны. Это и дает простор для творческой фантазии, которую часто называют грубым словом научная спекуляция.

Но мы не будем столь требовательны и грубы. Нужно с пониманием относиться к трудам интеллигенции, посвященным самой себе. Никому же не придет в голову назначать на матч арбитра из той страны, которая участвует в соревновании, и требовать от него объективности.

Представляю, что бы ответил Сергей Радонежский, если бы профессор сообщил ему, что преподобный принадлежит к равноапостольной Интеллигенции, определяющей нравственные нормы его русских духовных чад. Наверное, он осенил бы себя крестным знаменем и воскликнул: «Чур, меня! Чур! Изыди искусситель дьявольский!»

А как бы удивился Великий князь Киевский Владимир Мономах, с лермонтовским «упоеанием в бою» рубивший половецкие головы, если бы узнал о своем палеоинтеллектуальном «смиреномудрии и долготерпении».

Ну и, наконец, высший полет социологической мысли – причисление к лику интеллигентов императрицы Екатерины II. Нет никаких сомнений, что, как истинный интеллигент, она свергла и убила мужа, руководствуясь «чувствами совести и стыда и эмоциями сострадания».

Подведем итог. Рассмотренная работа Аркадия Соколова является ярким примером субъективного идеализма. Виртуальная интеллигенция существует

только в мозгу ее автора. Реальной же интеллигенции по его мнению вообще нет. Те социальные группы, которые нагло называли себя интеллигенцией, на самом деле самозванцы. Священное же имя «Интеллигенция» для них – псевдоним.

Отдельные представители «истинной» интеллигенции назначаются самим профессором. Правда, назначаются на основании разработанной им строгой научной классификации. Основой классификации является деление людей на социальные типы, образуемые различными сочетаниями этических параметров.

Само по себе выделение социальных типов по тем или иным признакам достаточно плодотворно. Не вызывает сомнений и разделение российского интеллектного слоя (по Соколову) или интеллектуальной элиты в общепринятом определении на интеллигенцию и просто интеллектуалов. Но идеализм профессора проявляется в том, что к интеллигенции он относит только социальные типы, обладающие различным сочетанием положительных или нейтральных этических параметров, в то время как интеллектуалам достаются отрицательные.

В реальности же в любой социальной группе всегда присутствуют все возможные поведенческие типы, меняются только их пропорции. Поэтому любая попытка приписать той или иной группе набор строго определенных этических параметров является ее идеализацией. Отсюда и возникает «виртуальность».

По-видимому, профессор и сам понимает шаткость своей позиции, поэтому заявляет: «Только в абстракции может мыслиться ... «интеллигенция как виртуальная группа», реально же существуют конкретные, функционально специализированные ... профессионально (граждански, религиозно) определившиеся интеллектные группы. Именно реальные интеллектные группы оказывают влияние на общество и взаимодействуют с властями».

Ну что же – это уже ближе к жизни. Осталось сделать последний шаг. Отбросить все эти виртуальные глупости и определить место интеллигенции среди реальных интеллектных групп.

Но как не заблудиться в этом царстве теней, именуемом социальной структурой общества? И только ли социальными отношениями определяется феномен

русской интеллигенции? Думаю – путеводной звездой для нас в этом вопросе станет системный подход.

Еще раз подчеркнем, что под социальной группой понимают любую объективно существующую устойчивую совокупность людей, связанных системой отношений, регулируемых формальными или неформальными социальными институтами, и осознающих свою принадлежность к данной группе, а также признающих членами этой группы с точки зрения других. Поэтому никаких виртуальных групп социология не знает.

Многочисленные социальные группы и субкультуры постоянно рождаются и умирают. Их появление обуславливается сочетанием различных факторов. Так случилось, что в России в середине XIX века группа образованных и креативных людей самоорганизовалась в неформальную референтную³ социальную группу и самоидентифицировалась, получив устойчивое имя – интеллигенция.

Поэтому миф и о ее древности – не более чем миф! А то, что она сформировалась под воздействием сочетания факторов, имевших место именно в России того времени, говорит о том, что интеллигенция, и здесь мы соглашаемся с Лихачевым, – это явление чисто русское. А изначальная неформальность объединения на базе общей системы ценностей, норм и оценок не допускает надконфессиональности интеллигенции.

Но впрочем, достаточно утомлять читателя развенчанием очевидной нелепости. Перейдем, наконец, к рассмотрению вопроса по существу. При этом, чтобы устранить все вышеописанные проблемы и недоразумения, попробуем рассмотреть феномен русской интеллигенции в русле системного подхода с привлечением не только социологии, но и этнологии.

³ Референтная группа - это социальная группа, система ценностей, норм и оценок которой служит для входящего в нее индивида эталоном.